не говорит). Если такой точки зрения не придерживаться — а придерживаться ее нет никакого основания — то мы придем к заключению, что в „переводе“ Корша „Слово“ получает такую форму, в какой оно никогда не могло выйти из-под пера древне-русского писателя. Кстати заметим, что утверждение, будто орфография и язык известного нам списка „Слова“ чуть ли не рабски подгоняются под юго-славянские образцы, конечно, страдает преувеличением: модная в то время евфимиевская орфография на этом списке отразилась далеко не во всей своей полноте.

Для того чтобы подвести размер „Слова“ под определенную схему, автор не ограничивается переложением его на русский народный язык: он изменяет, дополняет или укорачивает самый текст там, „где того требовал смысл или строй стиха“, хотя бы чтение было совершенно ясно. Далее — так как имеющиеся у нас научные средства не позволяют нам точно определить те случаи, где глухие сохраняют свою гласность и где они ее теряют, то Корш руководствуется относительно этого вопроса церковно-славянской фонетикой (sic!). Точно так же, за отсутствием надежного критерия, нынешнее *й* считается то слоговым, то неслоговым, в зависимости от требования размера.

Само собой разумеется, что при таком свободном обращении с текстом выводы Корша не получили нужной доказательности. Впрочем сам Корш, как нельзя лучше, убеждает читателя в зыбкости своих построений, когда он оставляет без перевода две строчки текста, которые, по его мнению, только в своем церковно-славянском виде представляют стих.

В заключение приведем несколько наиболее разительных конъектур, какие допускает Корш, частью для восстановления в тексте смысла, большей же частью для образования стиха там, где его, по мнению автора, нет: „Кая ратнымъ || дорога?(се туръ біется), || братіе, || забывъ (ти) чьсти || и живота...“; „Всю ночь съ вечера бѣсови || ворони || възграяхуть у Плѣсньска || на болони, || (дѣлячекръваву || уѣдину); || бѣшя (изъ) дьбри || (сънеслися н)а ню || и несошя ю къ синему || морю“; „Нъ се (одьно гнѣздо) || къняже || (друго)му || не пособіе“; „Не ваю ли золочеными || шеломома || (освѣчена поля || широкая? || Не ваю ли бързая || комони || акы по морю), по кръви плавашя?“; „И се хытьрыи || Боянъ ти реклъ ..“; „Володимѣръ кънязь || въсплакася, || одинъ собѣ || на томъ березѣ; || плачеть ся мати || Ростиславля...“ и т. д.[1]

---

[1] По связи с работой Корша следует упомянуть работу над изучением ритмического строя текста „Слова“ А. И. Никифорова в его докторской диссертации (см. печатные тезисы диссертации, май 1941 г. и статью „Проблема ритмики «Слова о полку Игореве»“, представляющую извлечение из диссертации и напечатанную в Уч. зап. Лгр. пед. инст. им. М. Н. Покровского, т. IX, Фак. яз. и лит., вып. 2, 1941). А. И. Никифоров считает „Слово“ устным произведением, былиной XII в., сложенной осенью 1185 г. „народным придворным певцом“. По своему ритму оно сближается, с одной стороны, с былинами, с другой — с украинскими думами.